

— Здесь не особо много технических штук, — сообщил мне Элит. — И, конечно, ничего похожего на искусственный интеллект здесь нет.

Я сделала всё возможное, чтобы восстановить форму шлема, но это не вернуло аватару моего дедушки обратно. Единственное, что мне оставалось, это идти на поклон к Элиту — из всех многочисленных Технарей он был единственным, кто знал о каждом виде технологий, даже если он и не мог построить большую часть из них.

Я смотрела на Элита через окошко, пока он работал над шлемом моего дедушки

— Этого не может быть, — убеждённо сказала я. — Мой дедуш... Я имею в виду, что я всё это время я могла с ним разговаривать.

— Это не искусственный интеллект, — повторил он. — Та технология, которая здесь задействована, на самом деле является каким-то усилителем сигнала. И из-за этого у меня действительно начинает болеть голова... в любом случае, то, что оно должно усиливать, не должно существовать.

— Может, он усиливает телепатию?

— Не говори глупостей, — машинально отбил он. — Телепатии не существует. Это всем известно. Но если бы я верил во что-то подобное, я бы сказал «да». Теоретически, это могло усиливать ментальную защиту, и, возможно, даже способность к ментальному общению... если телепатия, конечно, могла бы существовать.

— Ты можешь починить его? — спросила я.

— Я уже это сделал, — ответил Технарь. — Он должен работать также, как и раньше.

С тех пор, как шлем был раздавлен, я не слышала от дедушки ни слова. И если то, что говорил Элит, было правдой, это означало, что его разум на самом деле был не в шлеме, а находился где-то ещё, и шлем был не более чем передатчиком сигнала.

Мне следовало вздохнуть с облегчением. Разум моего дедушки никуда не делся, он просто был где-то спрятан. Проблема заключалась в том, что я понятия не имела, где его искать, и конечно, у меня больше не было возможности с ним общаться. Это было очень разочаровывающе.

Пусть он говорил всё меньше и меньше, я всё равно во всём продолжала полагаться на дедушку. Раньше я думала, что он стал общаться со мной реже, потому что я всё меньше нуждалась в его советах. Но что, если всё дело было в том, что он экономил энергию?

В конце концов, ни один из источников энергии не был вечным, и вполне возможно, что во время атаки Левиафана он долгое время находился в воде и мог из-за этого быть каким-то образом повреждён. Но почему тогда он ничего мне не сказал? Я бы нашла способ переместить его и защитить, даже если бы источник его разума был размером с высотку.

— Спасибо тебе за всё.

— Тебе действительно не стоит доверять тому, у чего нет мозга, — поморщился Элит. — Звучит банально, но это правда. Что касается современной науки... даже по стандартам тинкертеха эта штука вполне себе могла быть волшебной. А ты не можешь доверять магии.

— Я едва ли могу довериться вещам, у которых есть мозги, — сказала я. — Вспомни, как люди на нас реагируют.

Мы находились внутри передвижной лаборатории, которую построил Элит. После того, как он потерял свою последнюю лабораторию из-за наводнения, которое устроил Левиафан, он решил, что нуждается в чём-то более безопасном. Это место находилось в некоем пространственном кармане, созданном с помощью какого-то чистерского тинкертеха. Дверь можно было открывать в различные места Броктон-Бея, в том числе и в лагерь беженцев.

Я подозревала, что он приобрёл это оборудование в Ящике Игрушек, не доверяя собственным разработкам, и не могла его за это винить.

Иначе у меня бы не получилось выбраться за пределы лагеря. Всё место происшествия было оцеплено, и с каждым часом прибывали всё новые и новые военные силы. Одно лишь то, сколько людей прибыло и как быстро они здесь появились, поражало. Конечно, наличие таких героев по вызову, как Странник, вполне могло на это повлиять, но вот количество задействованного оборудования заставило меня подозревать, что государство было готово к чему-то подобному.

Несмотря на то, что люди бежали с места происшествия, их взяли в окружение ещё до того, как они успели вернуться в лагерь. Неужели СКП изначально предполагало держать людей в лагере?

Вероятно, существовали опасения о том, что высвобождение вируса Бойни было завязано на их смертях, что могло привести к повальным эпидемиям, которые, в конечном итоге, уничтожат человечество.

По всему лагерю и зоне возможного заражения СКП распылило обеззараживающую пену, предназначенную для уничтожения бактерий и вирусов всех типов. Несмотря на это, они были обеспокоены тем, что люди уже могли оказаться заражёнными, и не хотели рисковать в этом вопросе.

Даже Элит сейчас был одет в полный костюм биозащиты. Он настоял на том, чтобы я оставалась в обеззараживающей камере, и сам он на самом деле не касался шлема дедушки, используя манипуляторы и тому подобное, чтобы сделать всю работу.

Люди были в ужасе, испуганы, и это рушило всё то хорошее, что я уже успела сделать. И всё-таки несмотря на то, что я легко могла прорваться через кордон, часть меня задавалась вопросом, а будет ли это правильным.

Что если они были правы?

Мне всё ещё казалось подозрительным, что они с трудом доставляли достаточно еды и других припасов на несколько дней, но без труда нашли столько грузовых контейнеров, чтобы отгородить огромную территорию вокруг лагеря.

— И что мне теперь делать? — спросила я Элита.

— Всё исправить? — спросил он в ответ.

Я посмотрела на него хмурым взглядом. Может быть, если бы у меня был дедушка, я бы смогла всё как-нибудь исправить, но сейчас я была всего лишь подростком и понятия не имела, что же мне делать.

— Я серьёзно, — снова подал он голос. — Все в этом лагере считают тебя примером для подражания. Люди должны праздновать тот факт, что ты избавила их от Девятки, но вместо этого им приходится иметь дело вот со всем этим. Ты должна дать им надежду, иначе они попросту загнутся.

— Но как? — спросила я. — Я же не могу мистическим способом создать кучу еды или построить всем дома. Я и о себе едва могу позаботиться.

— Но выглядишь ты так, будто знаешь, что делаешь, — ответил он. — Иногда это важнее, чем на самом деле знать, что делать. Когда люди паникуют, они делают глупые вещи, которые могут навредить в первую очередь им самим.

Я согласно кивнула и уставилась на него подозрительным взглядом.

— Откуда ты всё это знаешь? — спросила я. Элит только пожал плечами.

— Смотрел фильмы про войну... и не только научно-фантастические. Но в основном это были они.

Ох, точно.

— Ну хорошо, — согласилась я. — Дай мне шлем.

Механические руки вставили его в специальное окошко моей камеры, и меня и всё, что было внутри, вновь окатило дезинфицирующим газом. Уверена, как только я уйду, он сожжёт к чертям дезинфекционную камеру.

Я закрыла глаза и глубоко вздохнула.

Единственный способ узнать, правильно ли поступило правительство, поместив нас в карантин — это подождать. Бессимптомные, но заразные болезни имели тенденцию распространяться лучше всех остальных. Ампутация знала это и наверняка хотела обеспечить максимальное распространение тех вирусов, которые она сделала.

Я вышла наружу и оказалась в реальном мире. Я слышала, как люди у периметра кричали, даже если сдерживание границ проводили парни с пушками. Контейнеры заняли уже примерно 30% территории лагеря.

Лунг стоял рядом с проходом, бесстрастно глядя на царящий вокруг хаос. Кинув взгляд на меня, он сказал:

— Они хотят, чтобы мы все тут умерли. Будут относиться к нам также, как к жертвам Симург.

— Не будут, — сказала я. — Я им не позволю.

— Не вижу, чтобы сейчас ты им мешала, — заметил он.

— Потому что они могут оказаться правы, — пояснила я.

— А если они действительно окажутся правы?

— Если понадобится, я построю город на Марсе, — сказала я. — Уверена, Элит сможет показать мне, как это делается.

Теперь у меня не было мгновенного доступа к чертежам тинкертеха дедушки, пусть даже то, что он знал и умел, не было тинкертехом.

Если бы его знания были единственным, чего мне не хватало, всё было бы не так уж и плохо. Проблема заключалась в том, что дедушка заполнил своим голосом ту пустоту, о наличии которой у себя я даже не подозревала. Наша семья никогда не была особо большой, и когда у меня были папа с мамой, меня это не сильно беспокоило.

Но как только мы потеряли маму, всё изменилось. Я разом лишилась половины своей семьи, и обретение дедушки, о котором я даже не знала, смогло частично восполнить эту потерю.

— Так что теперь? — спросил Лунг. — Покажем им нашу силу, или откажемся от этого плана?

— Мы удвоим ставки, — тихо сказала я. — Если все умрут, это не будет иметь никакого значения. Но если нет...

— Тогда в глазах этих людей мы станем ещё более могущественными, — продолжил он. Его взгляд приобрёл странное выражение. — Несмотря на все твои заявления о том, что ты не военачальник, ты очень на него похожа.

Я передёрнула плечами.

— Военачальники становятся во главе народа, когда людей подводит система. И сейчас именно это и происходит, — просто сказала я. — У нас есть возможность сделать их жизни лучше, и мы должны ею воспользоваться.

С этими словами я взмыла в воздух и полетела в сторону выкрикивающих проклятья людей.

— Жители Броктон-Бей!

Постепенно крики и толкания прекратились, и люди начинали смотреть в мою сторону.

— Все мы видели, что о нас думают Протекторат и СКП, — сказала я. — Раз мы бедны, они думают, что могут запереть нас и держать взаперти, забыть про нас, как будто мы являемся жертвами Симург.

Я слышала, как кто-то продолжал сердито кричать, но люди всё-таки прислушивались к тому, что я говорила.

— Я не допущу этого. Они боятся, что мы можем быть заражены, и из-за этого мы должны быть изолированы от остального общества. Вполне возможно, что они могут оказаться правы.

После этих слов толпа погрузилась в молчание.

— Вот почему я позволяю им это делать. Потому что в противном случае тот факт, что они окружили нас металлическими контейнерами, означал бы, что они только дают мне оружие, с помощью которого я смогу освободить всех нас.

— Они отправляют сюда неинфицированных вместе с инфицированными! — закричал мужчина из толпы.

— И как мы узнаем, кто из них кто? — возразила я. — Сколько здесь вас, таких, у которых есть о ком заботиться, но кто находится за этими стенами... друзья, семья... вы хотите, чтобы они

умерли?

В толпе зазвучали шепотки, настроение людей становилось всё более отвратительным. Я их теряла.

— Если эту болезнь создала Ампутация, она позаботилась о том, чтобы симптомы проявлялись как можно позже, чтобы заразилось больше людей. И это хорошо, потому что даёт нам время вылечить всех до того, как кто-нибудь умрёт.

Теперь толпа успокоилась. Очевидно, эта мысль была одной из тех, над которой люди не задумывались.

— Панацея сможет вылечить заражённых людей, если дать ей достаточно времени. Но если болезнь распространится на весь мир, она уже ничего не сможет сделать. Теперь у меня есть деньги, которые я получила в награду за убийство членов Девятки. Я использую часть из них, чтобы нанять лучших паралюдей-целителей и Технарей, что специализируются на медицинском оборудовании, которые должны будут помочь разрешить эту проблему.

Толпа буравила меня выжидающими взглядами.

— То, что сделано одним парачеловеком, может быть исправлено другим парачеловеком, — продолжила я речь. — Но если мы начнём кидаться друг на друга и вести себя как животные, то докажем, что правительство и СКП были правы, думая о нас как о... бесполезных отбросах.

Везде было одно и то же. В мире дедушки все ненавидели мутантов. Здесь это были бедные и бесправные люди. Но это были люди моего отца, и я собиралась защищать их даже от них самих.

Толпа заревела.

— Эти люди не друзья нам, — сказала я. — Но мы должны смириться с их присутствием здесь. День расплаты настанет, но будет он не сегодня. Сегодня мы должны показать, что мы лучше, чем они о нас думают. Вместе мы сила, а порознь погибнем.

— А если мы начнём болеть? — крикнул какой-то человек.

— Там тебе будет так же плохо, как здесь, — ответила я. — Неужели ты действительно думаешь, что Ампутация не распространила бы вирус на весь лагерь? Либо больны мы все, либо никто из нас.

Это, разумеется, было неправдой, но толпа имела тенденцию быть тупой.

Видя, что я завладела их вниманием, я продолжила:

— Я прослежу за тем, чтобы с этим что-то сделали. А пока мы все должны немного отдохнуть. Если мы больны, то лучше достаточно отдыхать, чтобы сохранять силы для борьбы с болезнью так долго, чтобы хватило времени спасти всех.

Интересно, создавал ли Элит когда-нибудь целительскую технику? Если он такого ещё не делал, я бы позаботилась о том, чтобы у него были деньги на сборку такого устройства.

Подлетая к тому, что выглядело как один из нескольких проходов на территорию, которые должны будут использоваться для доставки грузов, я направилась к одному из командиров

СКП.

Все они были вооружены пластиковым оружием — явный тинкертех. Быстрое сканирование показало, что в этом оружии не было ни грамма металла, что было впечатляющим достижением, пусть даже если меня это особо не остановит. Тот факт, что в их броне всё ещё содержался металл, вероятно, из-за электрической начинки, превращал их броню в чисто декоративные костюмы и означал, что все усилия по вооружению пластиковым тинкертехом были потрачены впустую.

Похоже, что в их броню были встроены технарские системы фильтров. Дизайн этих костюмов был спроектирован так, чтобы являясь, по сути, костюмами биологической защиты, они так не выглядели. Сделано это было, вероятно, для того, чтобы не пугать гражданских.

Как будто закрытых лиц и чёрной брони было для этого недостаточно. В охране границ лагеря стояли сотни оперативников СКП, больше, чем когда-то работало в Броктон-Бей. Это означало, что остальных сюда телепортировали из других городов.

Также это означало, что эти агенты будут менее симпатизировать жителям города, отчасти потому, что у них не было родственников в лагере, которые хотели бы выбраться из окружения.

Мне было интересно, а были ли среди этих безликих масок жители Броктон-Бея? Если бы на месте их начальства была я, я бы всецело положились в таком деле на работников из других городов. Хотя и не была уверена, что СКП будут настолько прагматичны.

— Вы не можете покинуть границы кордона, — сказал он.

Сквозь зеркальную маску я не могла разглядеть его лица, но голос показался мне встревоженным. Даже если он и не был местным, то наверняка знал обо мне благодаря уже сложившейся репутации. В конце концов, я была Убийцей Губителей, Девятки и Концом Империи.

Несомненно, перед тем, как разместить здесь агентов СКП, их всех проинформировали обо мне, чтобы у них, по крайней мере, было некоторое представление о том, что я могу сделать.

— Я очень надеюсь увидеть хоть какой-нибудь прогресс в лечении и диагностировании этих людей, — громко сказала я. — Если его не будет, то я начну бросаться разными вещами, и сомневаюсь, что это хоть кому-то понравится.

— Этот вопрос решаю не я, — произнёс он, поднимая руку. Он был очень осторожен с тем, чтобы не направлять прицел своего оружия в мою сторону, в то время как все остальные солдаты СКП держали на прицеле толпу.

Однако нервозности в его голосе теперь было больше. Если он выстрелит в меня, я заставлю его пожалеть об этом. На его штанах в районе бёдер была металлическая булавка, и у меня не займёт много времени заставить его истекать кровью.

— Найдите тех, кто решает, и пусть они позвонят мне, если боятся заходить в лагерь, — сообщила я. — В противном случае плохо будет всем.

Не все люди ещё разошлись, а если чему меня дедушка и научил, так это тому, что перед своими последователями следовало проявлять позерство.

Вести переговоры и выглядеть так, будто ты всемогущ, было почти также важно, как на самом

деле иметь эти силы.

Конечно, запугивание слабых прислужников на самом деле не принесёт ничего хорошего, и за закрытыми дверьми я буду вести себя более вежливо с теми, кто имеет влияние. Что было важно, так это чтобы люди считали, что что-то делается, независимо от того, так это было на самом деле или нет.

Пока у них была надежда, ниточка, за которую можно было уцепиться, они будут сохранять спокойствие. Отними у них эту надежду, и они потеряют свой человеческий облик.

Правительство могло обещать исполнить чаяния людей, но оно потеряло их доверие по многим причинам. Но они всё ещё доверяли мне, и я хотела, чтобы так оставалось и дальше.

И всё-таки, что бы ни должно было происходить, на это требовалось время.

Толпы людей в костюмах биозащиты ходили по лагерю, беря анализы и проверяя состояние здоровья людей. Тех, кто прошёл проверку, маркировали с помощью тинкертеха, штамп которого подделать было невозможно, по крайней мере, не с теми ресурсами, которые были доступны в этом лагере.

Я вызвалась быть одной из первых проверенных, частично для того, чтобы развеять опасения людей о том, что правительство хочет отравить всех нас, как говорилось в некоторых слухах, которые ходили по лагерю.

Самое смешное было в том, что эти люди уже были в пути, когда я произнесла ту речь перед толпой, поэтому теперь народ в лагере думал, будто именно я заставила правительство наконец-то начать действовать.

Ничто из того, что говорили чиновники, не могло изменить мнения людей, и хотя по идее мне следовало бы чувствовать неловкость из-за того, что я воспользовалась ситуацией, я её не ощущала.

Я правда верила в то, что люди в этом лагере обладали в глазах властей низким приоритетом, и считала, что так было главным образом из-за того, что это были бедняки. Если бы затронутыми бедствием были районы, в которых проживали дети из Аркадии, уверена, помощь им оказали куда быстрее и куда качественнее, и, к сожалению, это было одной из тех вещей, с которой я ничего не могла поделать.

Конечно, были люди, которые это отрицали, но в глубине души я также, как и местные беженцы, знала, что это было правдой.

Я потеряла дедушку и последнее, что я хотела, это потерять кого-то ещё.

Прошло уже два дня с тех пор, как я объявила свой ультиматум, и людей в костюмах биозащиты становилось всё меньше. Мне удалось связаться с Диной — её семья вернулась в Броктон-Бей.

По её словам, была вероятность в 98% на то, что лагерь был чист, что было частью той причины, по которой её семья возвращалась к возможному месту начала биологического Армагедона. Но несмотря на её заверения о том, что всё в порядке, часть меня всё равно будет волноваться до получения результатов самых последних тестов.

И всё-таки, если бы я не стала такой популярной после разборок с Губителем, уничтожения Девятки точно было бы достаточно для того, чтобы каждый журнал запестрел обложками с моим лицом.

Внутри СКП существовал целый пиар-отдел, предназначение которого было в том, чтобы сделать их кейпов популярными и показать их понятными обычным людям. Мне же придётся заниматься этим самостоятельно, если только я не найму кого-нибудь на те деньги, которые сейчас текут рекой на мои банковские счета.

Будь то актёры, знаменитости или музыканты, существовал один универсальный совет — куй железо, пока горячо. Слава была мимолётной, и мне нужно было воспользоваться своей новообретённой популярностью, пока она была при мне.

Стать знаменитостью означало бы начать осуществлять мои планы, но из-за этого я чувствовала себя немного неловко. Что я знала об интервью для журналов и разговорах с ведущими ток-шоу?

И всё же, это могло помочь мне сдвинуть дела с мёртвой точки и помочь горожанам.

<http://tl.rulate.ru/book/31885/687999>